

К 120-летию СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ

Такой незнакомый Горький

Горький Максим
(псевдоним,
настоящее имя
и фамилия
Алексей Максимович
Пешков)... —
русский
советский
писатель;
основоположник
литературы
социалистического
реализма,
родоначальник
советской
литературы.

(БСЭ, Москва, 1972.
Том 7, страница
138).

...ОН СМОТРИТ на нас все-
понимающим, пронизательным
взглядом с экрана. Кадр хро-
ники как будто дрожит от на-
пряжения мысли беспокойно-
го вопрошающего ума: «Кто
вы? Откуда?». Человек стара-
ется понять и не может. Печа-
льно глядит на наше поко-
ление тот, чье имя носят го-
рода, области, театры, райо-
ны, проспекты, улицы, станции
метро, сады и парки. Так хо-
чется, чтобы он нас услышал
там, в прошлом: «Мы — из
будущего!». Но суровое мол-
чание сменяется титром за-

наизусть прекрасные и чело-
вечные слова легенды о Дан-
ко, писали сочинения об обра-
зе рабочего Павла Власова в
романе «Мать» или разоблача-
ли на уроках литературы об-
манщика Луку из пьесы «На
дне». А то и вовсе с юноше-
ским задором декламировали
едва ли не хором: «Гордо реет
Буревестник черной молнии
подобный...». Внимательный
взгляд заинтересованного че-
ловека отметит и странности
отбора изучаемых произведе-
ний — все они написаны до
1917 года. Будто и не было у
писателя М. Горького еще
двадцати лет напряженной
творческой работы, поисков,
сомнений, размышлений. Хре-
стоматийный глянec, тщатель-

этих торжественных кадрах
есть все — вплоть до пионер-
ских горнов и постройки са-
молета «Максим Горький» (ги-
бель его через несколько лет
прозвучала как вестник смер-
ти самого писателя).

Драматизм последнего де-
сятилетия жизни Горького, его
взглядов выявляется режис-
сером из монтажного столк-
новения фото- и киноэпизод-
ов писателя с кадрами общей
панорамы жизни страны.
Ударные стройки, трудовой эн-
тузиазм масс — лицо Горько-
го; коллективизация — лицо

систой интеллигенции в но-
вых, революционных условиях.
Потому так упорно, день за
днем, все эти десять лет ра-
ботал над романом об интел-
лигенции — «Жизнь Клима
Самгина», где, в общем-то,
писал и о себе. Всего два-
ды прозвучат в фильме цита-
ты из горьковского романа,
но смысловая точность убий-
ственна. Отсюда и самая ре-
зкая реакция писателей (в кад-
ре — портрет, за кадром —
текст): М. Пришвина, А. Фа-
деева, Б. Пастернака, Ф. Глад-
кова. Все — в открытую, пре-
тензии и восторг. Он пере-
живал эмиграцию лучших
представителей интеллиген-
ции, ощущал их боль, как
свою собственную. Безвыход-
но драматичны были показан-
ные в фильме попытки Горь-
кого вернуться в Россию Ф. И.
Шалапина. Многие он проду-
мал, пережил за последнее
десятилетие своей жизни: от
высот официального призна-
ния до глубокой личной тра-
гедии — преждевременной
смерти любимого сына. Аря-
дом история уже листала не
только страницы его судьбы,
но судеб всего мира. Тучи сгу-
щались.

Кадры глухого высокого за-
бора, отгородившего (не по
собственной воле) дом писате-
ля в центре Москвы от окру-
жающего мира — символ вы-
нужденной изоляции Горько-
го. Что-то ломалось и теря-
лось в его жизни. Он стре-
мился к общению с людьми,
а его превращали в живой
символ успехов социалистиче-
ской культуры и искусства.
С. Аранович напомнил об од-
ной встрече — столь важной
для Горького — с Роменом
Ролланом. Как ждали они оба
этой встречи, и как богатырь
русской литературы не сказал
того, что хотел сказать. Но
друг его понял без слов и
написал о нем: «Это очень хо-
роший и слабый человек... Он
прикладывает много усилий,
чтобы не поричать подчас
ошибки своих больших поли-
тических друзей. Внутри у не-
го происходит борьба, о ко-

торой никто ничего не зна-
ет...».

Горький становился залож-
ником своей славы. Об этом
исповедью напоминала карчи-
на. Талантом писателя был
восплавлен В. И. Ленин в зна-
менитом очерке. Но «отец
всех народов», «хозяин» не
хочет отставать от гениаль-
ного предшественника и ждет
появления очерка о себе. Ре-
жиссер показывает редкие
кадры — Сталин и Горький,
но как емка и многозначна
интонация Е. Копеляна, звуча-
щая в этот момент в словах:
«Не создал, не успел, не
смог...». И в стык — стоп-
кадр падающего на землю са-
молета «Максим Горький».
Черная пауза. Ритм фильма
замедляется, оттягивая развяз-
ку судьбы. Горький в послед-
них кадрах и похож, и не по-
хож на хрестоматийные свои
изображения. Абрис знакомого
лица легко угадывается, но
глаза... В них все — и горь-
кая мудрость, и сознание не
до конца сбывшихся надежд,
и вера в будущее, и боль за
тех, кто остается жить.

«Жизнь Клима Самгина» о-
стается неоконченной. Послед-
нее фото распадается на эк-
ране — Горький уходит в не-
бытие: «конец романа — ко-
нец героя — конец автора».
Последним движением каме-
ры фиксирует руки — тяже-
лые, натруженные руки чело-
века, который всю свою жизнь
занимался непосильным тру-
дом. И как символ жизни —
на экране вновь лицо Горько-
го. Он смотрит на нас, буду-
щих своих читателей, явно рас-
считывая на понимание того,
что мучило и волновало его
самого и что с таким ярост-
ным постоянством отражалось
в его последних произведени-
ях.

Страницы судьбы А. М.
Горького не всегда легки для
чтения. Но, право же, после
фильма Б. Добродеева и
С. Арановича хочется пере-
читать их вновь. Тогда, быть
может, мы, наконец, освободи-
мся от школярского пренебре-
жения к судьбе великого пи-
сателя и человека, чья био-
графия была не столь уж
гладкой и прямолинейной, а
творчество — гораздо богаче
наших представлений о нем.

Сергей ИЛЬЧЕНКО

главия фильма: «М. Горький.
Последние три».

Мы встретились с картиной
на телеэкране в канун оче-
редного юбилея ее героя. Па-
радоксальность нашего отно-
шения к личности Горького
сыграла с фильмом злую шу-
тку. Снятый режиссером С. Ара-
новичем на студии «Леннауч-
фильм» к столетию со дня ро-
ждения писателя, фильм про-
лежал на полке двадцать лет,
побив все рекорды. Чем не
успех! Фильм в году 1968-м,
и что так дорого нам в 1988
году? Ответ прост — сам ге-
рой — Алексей Максимович
Горький.

И вот уже новая дата —
120-летие со дня рождения че-
ловека, ставшего великим
классиком еще при жизни.
Опыта проведения подобных
торжеств за прошедшие годы
поднакопилось достаточно. И
ныне уже успело Министер-
ство финансов выпустить в
обращение юбилейный рубль
со знакомым портретом, пой-
дет теперь по рукам изобра-
жение писателя. Ему ли не
воздали должное? И стоит спо-
койно каменным М. Горький в
нашем городе на проспекте
своего имени и вглядывается
в нас. Но стал ли он сам нам
ближе, а главное — необхо-
димее?

С юных лет в школе неиз-
менно рядом с фамилией
«Горький» звучало: «великий»,
«пролетарский», «гениальный»,
«отразил», «выразил», «воспел»,
«основал», «обосновал», «орга-
низовал». И мы зазубривали

но наводимый на творческое
и общественное лицо писате-
ля, со временем превратился
в иконописный лик, которому
были призваны поклоняться и
стар, и млад, только потому
что его обладатель был кано-
низирован как «родоначаль-
ник» и «основоположник».

Время возвращает нам на-
стоящего Горького, «живого», а
не мумию, со всеми его сим-
патиями и антипатиями, заблуж-
дениями и прозрениями.
Опубликованы мемуары В. Хо-
дасевича о послеотбырьском
петроградском периоде жиз-
ни писателя. Критики и лите-
ратуроведы размышляют пуб-
лично о его сборнике «Не-
своевременные мысли», кото-
рый долгое время был «кни-
гой нон грата» отечественной
словесности. Но самое главное
— зрителям показан фильм
С. Арановича.

У картины выразительный
подзаголовок: «1926—1936.
Фрагменты из ненаписанной
биографии». Киноанализу под-
вергаются едва ли не самые
значимые для становления со-
ветской литературы годы, но
как нехрестоматийно они яв-
лены зрителям в исследова-
нии. Пролог фильма — хрони-
ка празднования сорокалетия
творческой деятельности «Бу-
ревестника Революции» — пре-
дупреждение от юбилейно-
хрестоматийного подхода. В

Горького. Рушатся церкви,
сбрасываются колокола, сжи-
гаются иконы — лицо Горь-
кого. Он смотрит издадека,
из Италии, но как пронизате-
лен его взгляд, как многое
видит писатель и как пред-
чувствует будущее.

Автор сценария Б. Доброде-
ев извлек из забвения мему-
арные свидетельства о писате-
ле, письма и заметки самого
Горького, сплавил их тексты в
амальгаму, которой нет цены.
Зрителям раскрываются самые
потенные и будоражающие
сознание сегодня мысли писате-
ля (эффект доверия усиливает
голос покойного Е. Копеляна).
Вслушайтесь и поймите их:
«Я не могу быть вполне с
людьми, которые обращают
классовую психику в насто-
ящую. Которые говорят: «Мы —
пролетарии» с тем же чув-
ством, как бывало другие лю-
ди говорили: «Мы — дворян-
ство». Как точно и предупред-
дающе для нас сегодня звучат
эти слова Горького времен
«великого перелома».

Столкновение кинохроники
бодрой маршей и победных
рапортов с закадровым тек-
стом, монтажные акценты (за-
медление движения, наплывы,
стоп-кадры) обостряют зри-
тельское восприятие, понуждая
еще и еще раз вглядываться
в лица людей, и прежде всего
самого Горького. Ловишь себя
на мысли к концу фильма,
что почти ни разу не видел
кадра с улыбающимся Горь-
ким. Тем мучительнее хочется
знать ответ на вопрос: что
так беспокоило всемирно из-
вестного писателя?

Он боялся обособления рос-